

7. СКОРПИОНЫ И ТАРАНТУЛЫ

Рассказывает Сергей Мацко: "Мы с женой видели, как спецназ налетел на парней. Один из них был на демонстрации, видимо, случайно и стал возмущаться. Парня повалили дубинками на асфальт. Спецназовец сел ему на спину, достал из кобуры пистолет, рукояткой ударил парня в затылок. Тот залился кровью. Его заволокли в машину. Затем два милиционера положили на кровавую лужу огромную промокашку — и на асфальте не осталось даже мокрого пятна."

Что происходит дальше — рассказывает Ирина Важник: "Я увидела милицейский автобус, из которого торчали ноги. Когда подошла ближе, то увидела, как мужчину топчут спецназовцы. Я узнала Миколу Анциповича, доцента политехнической академии. Я бросилась защищать его. Они сказали: "Можешь забирать своего деда". И я села в автобус. Кто-то спросил: "Куда нас везут?" Спецназовец ответил: "В Куропаты." И загоготал."

Далее на конвейере Александр Каризна: "Нас привезли в милицейский дворик. Ставят лицом к стене. Руки на стену. Я стою рядом с изувеченным мужчиной. Он с дочерью-студенткой. Ему плохо. Называет себя: Георгий Сумсков, доцент пединститута. Молодчики в штатском бьют ребят. По ногам, в живот, по голове. Около меня сидит парень в крови. Его заставляют встать, а он не может. Его оставляют сидеть. Я называю себя и говорю, что буду свидетелем его истязания. Омоновцы оформляют протоколы. Прямо на капоте машины. Один спрашивает мое имя, адрес, обращается ко второму: "Что ему писать?" Отвечает: "Что и всем." Пишет, что я призывал людей к беспорядкам, нецензурно высказывался, выкрикивал антипрезидентские лозунги, сопротивлялся при задержании. Просит ознакомиться. Я пишу: "Наглая ложь." Я в камере. Тут 16 человек. На нарах нет места. Сидим на корточках. Сидим пять суток. Везут в суд. Быстрая процедура. Штрафуют. Кому 300 тысяч, кому 400. И пять суток ареста, ровно столько, сколько уже отсидели. Мне никакого обвинения не выставили."

На следующем этапе Язеп Янушкевич: "Моя жена два дня искала меня по больницам, реанимациям, моргам. В списках задержанных мою фамилию не нашла. А мне ввали, что сообщили ей о моем задержании через три часа. Дежурный милиционер при этом добавил: "Чтоб вы подышали каждый день по трое." После всего пережитого я подал жалобу прокурору по факту моего незаконного задержания и избиения. А также по ихней служебной лжи. Мне не сообщили, что в изолятор приезжал адвокат, нанятый моим старшим братом. Адвоката ко мне не допустили, хотя он имел ордер на встречу. Жалоба лежит."

О заключительном этапе конвейера свидетельствует Владимир Дзюба: "Судьи приехали в приемник-распределитель. Судила двойка, судья и секретарь. По моей просьбе мне дали адвоката. Свидетелем был милиционер, который задержал меня, когда я вечером после работы шел домой. В тот день в городе был митинг. Милиционер показал, что я с группой людей шел под флагом. Суд определил мне трое суток ареста, которые кончились в тот же день. В семь вечера мне сказали, что я свободен. В этот момент послышался телефонный звонок. Дежурный капитан сообщил, что распоряжением председателя Верховного суда дело будет рассматриваться там. Меня вернули в камеру. На следующий день повезли в суд, но не в Верховный, а опять в районный. Там было уже два свидетеля-милиционера. После краткого совещания судья сообщил, что мне присуждено 15 суток ареста. Я объявил голодовку. Голодал пять суток. После чего срок ареста сократили с 15 до 8 суток."

Пропустив человека по белорусскому конвейеру от промокашки до Верховного суда, его выбрасывают вон как мусор. Но он вновь хочет стать человеком. Пишет жалобу и несет ее в прокуратуру. Человек неистребимо верит в Право. Подробно описывает, как над ним издевались на конвейере, называет истязателей, свидетелей, предоставляет заключение судмедэкспертов о побоях, прикладывает снимки своих распухших синяков. Требуя наказать тех, кто превращал его в мусор.

Заявление регистрируют. Обещают рассмотреть "в установленный срок." Проходит месяц, другой. Человек-мусор робко спрашивает о своей жалобе. Следователь мямлит о недоказуемости... Затем он выбегает из кабинета и вопит: бьют! помогите! "Кто бьет?" Да вот эта! Ударила! Видите: красная щека. Нанесла физическое оскорбление официальному лицу при исполнении им служебных обязанностей. "Вот эта хрупкая девушка?" Да, эта журналистка. Демонстранка. Ирина Халип. "А свидетели есть? Вы же были в кабинете вдвоем." Есть свидетели! Следователь из соседнего кабинета слышал звук пощечины.

Пишут протокол. Возбуждают дело. Ведут расследование. Вызывают на допросы. Устраивают очные ставки. Грозят судом, тюрьмой. Человека бросают на тот же конвейер, на котором он только что побывал.

Выдержать конвейер дважды могут коммунисты. Валерий Шукин — и есть коммунист, бывший морской офицер, депутат ВС, завсегда антипрезидентских массовок. Шукин потерял счет задержаниям, побоям, судам, суткам. На нем висит самый большой в стране штраф — примерно 2 тысячи долларов. За что? Ну, например. Закончился разрешенный властями митинг. Шукин, заметный издали своей белой окладистой бородой, стоит и

размышляет, как быстрее добраться домой. Подходят двое верзил в кожаных куртках, молниеносно машут перед лицом то ли удостоверением, то ли кастетом, предлагают "пройти" с ними. Шукин не хочет, сопротивляется. "Я воспринял их как бандитов." Шукин — не слабак, двое верзил не могут с ним совладать. Зовут на подмогу еще двоих. Вчетвером заталкивают упряма в белые "Жигули", везут в сизо.

Протокол. Суд. Обвинение в "сопротивлении". Штраф. Платить Шукину нечем. Судебные исполнители описали его последние штаны. В них коммунист и ходит на митинги, затеяв роковую игру с белорусским конвейером. Это равнозначно тому, как если бы крепкий бычок бодался с конвейером мясокомбината, цель которого — паштет.

Конвейер белорусского правосудия технологичен. Его звенья крепко спаяны конституцией-96, предоставившей президенту право назначать судей, прокуроров, милицейских чинов. Президент легким касанием перста нажимает кнопку — и конвейер пошел. Больше от президента усилий не требуется. Правовая машина, если ее умело завести, крутится сама, вырабатывая смысл и смазку. По относительному количеству осужденных Белоруссия обогнала все страны СНГ в полтора раза.

Лукашенко как политическое явление родился в 1993 году от популистского доклада. Надулся, прокукарекал "кор-руп-ция!" — и появился. Пуповину наперегонки перегрызали депутаты-юристы Тихиня, Гончар, Булахов. От этого их не без иронии прозвали "известные юристы". Самый-самый — Валерий Тихиня.

В конце горбачевской перестройки седовласый профессор права пошел служить туда, где право заменили волюнтаризмом, — в Центральный Комитет, секретарем партии, из которой уже выходили прозревшие современники. Доктор юридических наук тоже нашел выход. Коррупционеров — вон. Рвачи и воры — прочь с пути. Мы построим новое счастье. В парламенте мельтешил какой-то директор совхоза в мятом пиджачишке. Зарождался Лукашенко — и Тихиня кинулся на подмогу. Обосновал с точки зрения права. Привел цитаты, оппонентов отослал к статьям и пунктам. Предложил депутатам сделать мертворожденную комиссию по коррупции во главе с Лукашенко постоянным органом. На старте президентской гонки Лукашенко сказал: "Я горжусь своими товарищескими отношениями с зампредом Конституционного суда Валерием Тихиней."

Лукашенко, взобравшись на вершину государства, начал рулить тепленьким рулем, только что отобранном у "коррупционеров". По ихнему же компасу, по их методу, признающей лишь единоначалие. Посыпались

президентские указы, поднимающие Лукашенко выше, выше. В парламенте послышался ропот. БНФ вывел людей на площадь Независимости. В воздухе просвистели первые дубинки. Они разбудили Тихиню, взобравшегося на вершину Права.

На вершине председателя КС Тихиня определенное время дозревал до профессионализма. Юриста мучила политическая короста, подхваченная в ЦК. Она основательно подпортила советское право и его толкователей. Проснувшись от свиста дубинок, Тихиня поспешил к президенту на "товарищеский разговор". Подробности не известны. Известно, что Тихиня не однажды безуспешно пытался уговорить Лукашенко не нарушать Конституцию.

Конституционный суд под председательством Тихини признал незаконными полтора десятка указов Лукашенко. Депутаты собрали необходимое количество подписей за импичмент. КС принял дело к производству. Судьба Лукашенко висела на волоске, у него дрожали руки. Страна зависела только от закона.

Ночью 22 ноября 1996 года состоялась встреча Тихини и Лукашенко (прочие участники не суть важны). Утром товарищи объявили, что подписали соглашение о компромиссе. СУДЬЯ И ПОДСУДИМЫЙ ДОГОВОРИЛИСЬ. Первый уклонился от профессиональных обязанностей, второй вышел сухим из воды. Свой поступок, ошарашивший демократический мир, Тихиня пояснил так: "Хорошо зная президента, его характер, его окружение, скажу: все могло закончиться кровопролитием. А задача любого здравомыслящего политика — не допустить человеческих жертв." Он назвал себя политиком. Так был ли он юристом?

В политической игре Тихиня вышел за пределы правового поля, подал пример президенту, трясущемуся от страха, но соображающему трезво. И президент совершил "правовой вандализм" (позднейшее определение Тихини в отставке): провел незаконный референдум, утвердил авторскую конституцию, упразднил Верховный Совет, назначил Национальное собрание, добавил себе два года президентства, окрасил дубинки своих опричников новой кровью оппонентов.

Юрист Виктор Гончар — бывший студент Тихини. При президенте он был повивальным мальчиком, за что получил взрослую должность — вице-премьера. Вскоре президент его уволил — и Виктор Гончар стал бороться. Видя, что он уже борется, депутаты накануне референдума-96 назначили его председателем центральной избирательной комиссии. Это был толковый маневр. Подготовка к референдуму велась президентом лихорадочно, с

вопиющими нарушениями. Чем не повод объявить референдум несостоявшимся?

Вместо того, чтобы скрупулезно фиксировать факты, грамотно оформлять документы, председатель комиссии стал кричать: долой диктатуру! не подпишу протоколы референдума! не признаю результатов! Лукашенко послушал и сделал свой маневр — освободил Гончара от должности, "не совместимой с политической деятельностью." Надо работать, юноша, а не колебать общественную стабильность, как справедливо заметил президент, в очередной раз нарушивший закон. От юриста, страдающего политическим недержанием, нехорошо пахнет.

Юрист Дмитрий Булахов играет в паре с Гончаром. Повивал президента. Был благодетельствован. Впал в немилость. Перешел в оппозицию. Толково обосновал незаконность президентского референдума. Булахов — хороший ритор. В его речах-96 повторялись приемы, логические периоды образца 1992 года. Тогда демократические силы Беларуси имели шанс прийти к власти. Коммунистический очаг остался лишь в Верховном Совете, где засела партгосноменклатура. Народный фронт предложил обществу референдум о досрочном роспуске ВС, о свободных выборах. В народе были собраны подписи. Вопрос включили в повестку парламента. Решающее заседание. Свободное правовое государство: строить или забалтывать? На трибуне главный докладчик Булахов. Он зафиксировал в некоторых подписных листах неточности, присвоил им громкие юридические клички, спроецировал на все четыреста тысяч листов — и объявил кампанию по подготовке референдума вне закона. Булахов с блеском выполнил заказ прожженной номенклатуры по юридическому обслуживанию.

В 1992 году референдум не состоялся. Если бы он был, он был бы победоносным, как все белорусские референдумы. Номенклатура не позволила Беларуси сойти с тупикового курса. Страна по инерции скользила по нему до 1994 года, когда первый президент взял ее и потащил в сумерки, а юристы сквозь дебри законов прорубали ему вольную дорожку, спрямляли его дуболомный путь.

Белорусскую конституцию-96 признала только Россия. Мир считает ее незаконной. Россия сотрудничает с нелегитимным Национальным собранием, а мир — с Верховным Советом, который сам себя ... не признает де-юре. Из 198 депутатов верность конституции-94 сохранили 49. Они и называют себя Верховным Советом. Где придется собираются на сессии. Принимают законы, зная, что их никто не будет исполнять. Какое смешное де-факто, не правда ли?

Юрист отличается от простого смертного тем, что любое де-факто может превратить в де-юре. Люди давным-давно используют удивительное качество юриста доказать недоказуемое. В древних Афинах подсудимые защищали себя сами. Не все могли красиво выступить перед судом из 500 членов. Выход нашли в найме сочинителей речей, коих называли логографами. Понятное дело, за работу им хорошо платили. Один и тот же логограф мог сочинить речи и для истца и для ответчика, предварительно изучив их характеры, степень образованности, политические взгляды. Чтобы выглядело убедительно.

Побеждала не истина, а красноречие. На века утвердилась софистическая мудрость с ее главным постулатом: истиной считается то, что доказано, а не то, что в действительности существует. В конце 1997 года эта мудрость осенила смешной Верховный Совет.

Виктор Гончар вновь воскрес как юрист. Перелопатил гору законов и доказал, что Верховный Совет имеет правовые основания для самовосстановления. С ходу идея Гончара не прошла. Депутатам не хватило юридической бесшабашности, пограничной с политическим авантюризмом. Но у депутатов только один выход — следовать за Гончаром. Они знают, что остатки ВС — это ЕДИНСТВЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ для легитимной борьбы с режимом Лукашенко и ПОСЛЕДНЯЯ их возможность самосохраниться как политикам и, чем черт не шутит, взять власть. Сомневаясь, надеясь, боясь, депутаты создали "специальную комиссию ВС по правовой оценке нарушений президентом Конституции и законов." Комиссию возглавил известный юрист Гончар.

О "мышинной возне" Верховного Совета Лукашенко высказывается с издевкой, о Комиссии Гончара — с ненавистью. Комиссия собрала и огласила впечатляющий материал. Фактура призывает к импичменту. Верховный Совет утвердил выводы Комиссии о преступлениях Лукашенко и тем самым приостановил президентские полномочия, начав процедуру импичмента. В серьезности момента Лукашенко просветили юрслуги. Последовала адекватная реакция. Прокуратура Минска возбудила против Гончара уголовное дело за "клевету в отношении главы государства". Гончару прислали повестку на допрос. Он не явился. Неоднократно. Прокурор постановил доставить Гончара принудительно. Был доставлен и допрошен.

Член комиссии бизнесмен Андрей Климов арестован за "хищения в особо крупных размерах." Он активнее прочих членов настаивал на импичменте. В следственном изоляторе Климов сразу же объявил сухую голодовку, прекратить которую его упростила мать. Климов как депутат был помещен в сизо без согласия Верховного Совета.

У Лукашенко власти по горло. Однако не хочется выглядеть вампиром, накануне 21 века это у диктаторов не модно. В представительский гардероб рядом с костюмом от Кардена хочется повесить тогу демократа, чтобы по случаю рядиться. Демократический имидж — забота всех автократов. Это возлагается на юристов. Диктатура должна возлежать на праве. У Гитлера был мощный юридический департамент, переводивший расистский бред на правовой язык. Юрист Ленин сочинял декреты сам. Сталин талантами Вышинского имел не только юридическое обоснование репрессий, но и научное.

Лукашенко понимает, что в становлении современной деспотии ведущую роль играет не армия, а юриспруденция. Юристы четче всех осознают право силы, посему примкнули к победителю. Он поставил под ружье весь юридический корпус страны. Кто не марширует в ногу, того корпус валит и давит. Независимых адвокатов, не вступивших в государственную контору, коллеги лишили лицензии. Не поддержавших президентской конституции юристов подвергли обструкции по телевидению.

В Беларуси идет юридическая война. Юристы сражаются друг с другом, как скорпионы с тарантулами, оказавшись в банке. Это война профессионалов, ибо и те и другие вооружены сутью: ядом (пауки), законом (юристы). Побеждает не суть, а несравнимый численный перевес, обеспеченный президентом. Побеждает суть Лукашенко. Он тоже юрист. Он, как Ленин, пишет декреты. Он обвиняет устно, но липко: журналиста Шеремета — в переходе границы и шпионаже, председателя Старовойтова — в особо крупных хищениях и покушении на контролера, банкира Богданкевича — в коррупции, вице-спикера Карпенко — в экономической диверсии...

Юрист Лукашенко соединил в себе конвоира, прокурора, свидетеля, судью, адвоката, исполнителя. Живая модель распространяется на белорусскую правосудную систему, формирующуюся в мафиозную семью. Спесивые профи не допустили в свою среду "дилетантов", воспротивились установлению в стране суда присяжных, отложили его до 21 века.

В советские времена партийный босс одной из закавказских республик запретил детям юристов поступать в юридические вузы. Волонтаристское решение имело цель возродить подлинное правосудие. Суд теряет смысл, когда прокурор — папа, судья — мама, адвокат — сын, заведующий юридическим отделом горисполкома — брат... Вдобавок юридические кланы сочетались браками. Маленькую страну опутала правовая мафия, где "судили" телефонные звонки, деньги, логографы.

Известный юрист Тихиня на пресс-конференции возгордился тем, что в Минске работает десять дипломированных юристов, носящих фамилию Тихиня. У Лукашенко имеется больше оснований для профессиональной гордости. Его семья — всебелорусская юрисдикция. На республиканском съезде судей недоступная Фемида под бурные аплодисменты добровольно открыла ему личико — и стала старшей президентской женой.

1998

www.kamunikat.org